

Filevsky Vysheslav

*Строки
из потустороннего мира*

Filevsky Vysheslav

Строки из потустороннего мира

«Издательские решения»

Vysheslav F.

Строки из потустороннего мира / F. Vysheslav — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502598-2

Автор бытийствует в своём духовном измерении, видит мир иначе, имеет мировоззрение, отличающееся от привычного, и собственное исповедание. Оно состоит в любви к Творцу, не имеющему имени и образа, и к творению. В первой части книги действуют преимущественно насекомые и птицы. А во второй — писатель рассказывает о своём видении потустороннего мира, о пограничных состояниях между жизнью и смертью.

ISBN 978-5-00-502598-2

© Vysheslav F.
© Издательские решения

Содержание

Vysheslav Filevsky	6
Предисловие: параллельные миры	7
Предначинательная притча	9
Русский газон	10
Часть Первая	12
Любовь к жизни	12
Тиликва	12
Мать комариная	22
От мрака к свету	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Строки из потустороннего мира

Filevsky Vysheslav

© Filevsky Vysheslav, 2019

ISBN 978-5-0050-2598-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Vysheslav Filevsky
Строки
из параллельного мира

Рассказы, сказки, притчи
Белу-Оризонти 2019

Предисловие: параллельные миры

Люди *предполагают*, что миров рядом с ними множество. Но представляют их внешне отличающимися от того, что видят вокруг... Всё может быть... Но мой разговор о внутренних, духовных параллельных мирах...

Говорят, например, о расколотом обществе. Читаю, что пишут люди в Интернете. Они описывают различные, а то и противоположные восприятия одного и того же. – Это параллельные миры. Их плоскости не пересекаются. Поэтому убедить кого-то воспринимать иначе окружающее или прошедшее – невозможно. Но это почему-то никому не понятно. И люди бессмысленно ругаются, оскорбляют, ненавидят... Я долго думал, зачем... Все так глупы? – Едва ли. Скорее всего ругаться, оскорблять, ненавидеть, полагать, что все прочие дураки, приятно, не так ли?.. Прошу прощения за правду...

Приходят идеи и дробят человечество, увеличивая число параллельных миров. Человек, принесший зловредную идею, раскалывающую мир, считается великим, чуть ли не богом. Затем его идею вытесняет другая. И вот уж он преступник. И народы получают удовольствие, хуля его...

Наконец, и среди обычных людей выделяются особи с некоей своей из ряда вон выходящей правдой, то есть с личным параллельным миром, который всемирно зловредной идеей не становится. Кого-то из таких людей признают гением, кого-то – умалишённым. Кому как повезёт...

Да, некоторые из идееносцев и в самом деле психически усечены. Но и они, и так называемые здоровые бытийствуют в своих параллельных мирах, где многое, а то и совершенно всё видится иначе...

Важно количество людей, живущих в схожих параллельных мирах. Побеждает правда того параллельного мира, в котором больше насельников. Они оказываются временно якобы правыми и навязывают своё видение мира всем прочим. Но на самом деле ошибаются все, и в то же время все правы...

Книга, что перед вами, написана жильцом как раз одного из параллельных миров. Он живёт в нём как будто один видит всё решительно не так, как принято и у большинства, и у представителей других параллельных миров. Развитие цивилизации представляется ему безумным следованием к разложению и самоуничтожению, правители видятся дворовыми хулиганами, а то и бандитами, научная деятельность – преступлением, имеющим целью обман природы (или Всевышнего), культура – факелом, разжигающим страсти, религии – частными духовными правдами, и так далее.

А можно ли добиться существования человечества в едином мире и тем уничтожить параллельные?.. – Автор считает, что да, такое может случиться прежде всего по воле Творящего сущее. Например. Деньги по сути Бог истинный для всех земель. Остальные боги лишь фиговые листки на чреслах Денег. Если люди отбросят лицемерие и честно признают это – будет счастливое единение...

Также духовному объединению способствуют телевидение и Интернет. Если всё человечество станет смотреть одну программу, его настроят на жизнь в одном духовном пространстве. И тоже все обретут счастье.

И наконец – искусственный разум... В этом смысле подлинное и совершенное счастье человечества, как представляется автору, наступит тогда, когда у всех «людей» уже не будет естественного мозга, а искусственные мозги одинаково выверят.

Сейчас же учёные разных стран соревнуются в создании устройств и технологий по управлению естественными мозгами, то есть работают над счастьем. И народы совершают

странные поступки, не имеющие логического объяснения: выбирают своих врагов в руководители, почему-то ненавидят другие народы, и тому подобное...

Жилец параллельного мира Вышеслав Филевский предлагает из-за своего «зазеркалья» собственный путь к объединению человечества. В основе пути созданное Филевским исповедание выпестывания любви к Высшему и сущему в сердце души и благоговение перед ними. Исповедание (или религия, по-вашему) называется вышеславие. О нём можно прочесть в Интернете. Вышеславие ничему не противоречит, и могло бы объединить человечество куда совершеннее, чем избавление от души и внедрение искусственного разума у всех народов планеты. Однако, как видится, благословения великого Непостижимого на это нет. Пока, во всяком случае. Поэтому, судя по всему, вышеславие останется новой Утопией, прекрасной мечтой. Вот как она выглядит в виде рассказов, сказок и притч. Читайте.

Предначинательная притча

Мудрец всю жизнь копил знания и совершенствовался в умениях. Однако пришёл день, в который он понял суету приобретённого. Это случилось тогда, когда в сердце души его разгорелось пламя любви к Высшему и сущему. Мудрец понял огонь сей как Истину, поблагодарил Предвечное за приобретённые знания, опыт и, улыбаясь, расстался со знаниями и опытом. Примерно, как в школе: окончились уроки и кто-то очищает влажной тряпкой доски во всех классах. Мудрец так поступил, потому что сердечное пламя любви, а вовсе не знания, оказалось итогом жизни: смыслом его прихода на Землю. Мудрец попытался описать свой огонь, эту Истину, познанную им. Но оказалось, что слова человеческих языков не приспособлены для раскрытия небесной Правды. А обитатели бестелесных пространств общаются в духе... Так мудрец и горел одиноко сердцем души своей, пока Предвечное не понудило дух его расстаться с телом.

Русский газон (История одной жизни)

Неподалёку от гостиницы жил-был газон. Его никто не *садил* – он сам вырос. В средней полосе везде ведь трава растёт... Вот и он...

Газон не был городским хлыщом. Он существовал естественно. В нём были и подорожники, и одуванчики, и даже несколько крапивинок... Но это не мешало ему наливаясь жизнью и радоваться... Да, люди бросали в него пивные бутылки, обёртки и окурки. Однако, пусть и нечасто, но приходили рабочие, которые скашивали траву и забирали мусор в мешки...

Однажды ночью на газон заехал и встал приبلудный грузовик. Под утро прошёл сильный дождь. И когда грузовик, желая продолжить путь, взрычал, то сразу выехать не смог. Потому что земля под газоном размякла, и грузовик забуксовал. Водитель, выматерив газон, поддал газу и выбрался... Обезображенный газон плакал. На его теле зияли колеи, в которых не было ни травинки...

Прошло дней десять. Рубцы, конечно, никуда не делись, но заросли молодой травой. Газон восстанавливался и привыкал к своему новому, уже не такому прекрасному облику. «Ну что же, – думал он, – на свете всякие газоны бывают. Главное – зеленеть и радоваться жизни». Заезжали на газон и другие машины, по счастью легкие. И он терпеливо сносил это. Тем более, что погоды стояли сухие.

А под конец лета пошли дожди... Однажды ещё издали газон заметил приبلудный грузовик. И сердце его сжалось от страха... Да, он не ошибся. Грузовик встал именно на него. Водитель с шумом закрыл дверцу, плюнул на газон, помочился и пошёл в гостиницу... Газон поморщился. И – терпел: он был русским газоном. А у русских терпение в крови.

Утром же грузовик так разворотил газон, что ни о каком восстановлении в этом году речи уже идти не могло... «За что? – газон рыдал. – Почему люди не понимают мою красоту? Почему хотят, чтобы всё вокруг было безобразно?..» – Газон никак не мог понять глубокую терпимость людей к нечистоте. И он подумал даже, что они стремятся к ней. «А если мерзость так вот сразу не обретается, то люди создают её», – решил газон. И... отчаянная мысль наполнила его сознание: «*Люди получают удовольствие от безобразия!*»...

Газону стало очень гадко на душе. Он рыдал и ненавидел людей. С тем и глубоко уснул. Потому что пал и установился снег.

А весной, едва газон потянулся молоденькой травкой к солнцу в надежде закрыть ей свои телесные раны, пришли рабочие. Они засыпали его щебнем. Потом... Газон почувствовал, что его заставляли пить нечто ядовитое. – Это была битумная мастика. «Как же всё-таки жестоки люди», – стонал газон и... – терпел!.. Ему было уже всё равно, когда его засыпали асфальтовой крошкой. И когда газон был почти в бессознательном состоянии его избили виброплитой...

Однако через время газон пришёл в себя и обнаружил, что на нём устроили автостоянку. «Ну что ж, – подумал газон, – значит, придётся жить, как есть. Судьба, видать, такова». И он боролся за жизнь. И даже не ругался, как душившие его рабочие. Слишком уж серьёзное было у него положение.

И – газон пошёл зеленеть вокруг стоянки!.. Водители уже не плевали в него, только бросали бутылки. Иногда мочились. А плевали теперь на покрытие. Асфальтовая крошка не переживала из-за таких пустяков. Она быстро укаталась, стала толстокожей и презирала корчившийся под ней газон за чувствительность.

А на газон попали споры шампиньонов. Газон любовался своими грибами – их никто не трогал. И примирился со своей новой жизнью... В самом деле, зелёная кайма с трёх сторон автостоянки была очень красивой. И газону было безразлично, что люди не понимают этого. «Они же не могут чувствовать», – жалел людей газон.

Часть Первая

Любовь к жизни

Тиликва (памяти подруги)

Однажды во сне я купил дом в Австралии... Это был непонятный шаг, потому что в доме я не нуждался, тем более так далеко... Почему купил?.. В нашей бразильской квартире на карнизе в одном месте отошла краска. И обнажившийся кусочек стены явно напоминал контуры Австралии. Взглядывая в окно, я невольно всё время вижу его. Может быть, поэтому...

Время от времени сны возвращали меня в Австралию. Однако от ненужного приобретения я не избавлялся. Смирился. И даже стал ожидать очередного посещения зелёного континента. По здоровью мне тяжело летать. Поэтому путешествовал я морем...

Грустно, что теперь на дальние расстояния только летают. Да, это дешевле и быстрее. Но на склоне лет на всё начинаешь смотреть иначе. И хочется, чтобы некоторые вещи продолжались наоборот дольше и стоили дороже. Но думать о стариках – оно обременительно и скучно, я понимаю, тем более для людей бизнеса.

Корабли как транспорт существовать перестали. Поэтому я подсаживался на проходящий мимо нас туристский корабль в Рио-де-Жанейро. Он из Буэнос-Айреса приходит. И доплывал на нём до Сиднея... Пятьдесят четыре дня? – Ну и что... Эти большие корабли, как гостиницы. Кáчки нет, шведский стол, и на удивление тихо. Наверное, потому что большинство пассажиров – пенсионеры...

Почему я купил дом именно в Литгоу (Lithgow)? – Это объяснению не поддаётся вовсе. Но покупка оказалась не лишённой смысла.

От Сиднея – около ста километров в глубь континента. Прямо в порту я брал такси, это не дорого. А так транспорт там в основном до Катумбы (Katoomba). Катумба – туристское место, столпотворение, непереносимое для стремящего к уединению. Это про меня: я не переносу.

Голубые горы. Скалы Три сестры

Дорога живописная. Приходилось пересекать Голубые горы (Blue Mountains). Они начинаются прямо от границы Сиднея... Красивое название, правда?.. Но там голубые не скалы, а лёгкая дымка, вызванная испарениями эвкалиптов, которая возникает довольно часто и держится долго. Если вам показано дышать взвесьями эвкалиптового эфирного масла – это место для вас. Если вы мне приснитесь, уверен, мы сговоримся о цене дома... Продам...

Эвкалиптов действительно много. И – крупные древовидные папоротники... У некоторых в самом деле ствол, и таковые похожи на пальмы. Ну и мощный подлесок, особо не погуляешь...

Высотный перепад между уровнем долины и перевалом совсем небольшой. Поэтому Голубые горы они не столько горы, сколько сопки наподобие тех, что в бразильском штате Минас-Жерайс (Minas Gerais), где я живу во время бодрствования. Но, в отличие от нашей «серха» (serra), Голубые горы прорезаются глубокими каньонами. Некоторые по глубине чуть ли не соперничают с высотой самих гор...

Скалы отвесные, это красиво... Горы же разделяются вдоль рекой Кокс, замутнённой известняком. Название не случайно. Потому что близ Литгоу каменноугольные шахты... Кстати, «Минас-Жерайс» с португальского переводится, как «главная шахта»... Ну вот, я и понял, почему купил дом именно в этом месте: шахты – моя судьба. И дедушка был заслуженным шахтёром...

Вид на окраину Литгоу со стен Хассанс (Hassans Wals). Там как раз я дом и купил.

В моё отсутствие за домом присматривала полинезийка Шейла, в смысле она жила в нём и поддерживала дом в жилом состоянии. Шейле где-то лет 25. Она работала на швейной фабрике. В Шейле интересно то, что мы с ней не просто обходились без слов, а общались духом. Я вам скажу, что это лучший вид общения... Когда-нибудь люди откажутся от словесных языков, я верю, если не убьют сами себя раньше, конечно.

...Моим соседом в Литгоу оказался тоже пенсионер, бывший шахтёр – Томас. После смерти жены он потерял интерес к разговорам. Поэтому товарищи и соседи чурались его. И Томас искренне радовался мне, потому что я, с одной стороны, тоже не любил общаться словами, а с другой – мне доставляло удовольствие его молчаливое общество. Когда человек неприятный, разговоры составляют суть общения, особенно, если он раздражает... Странно, да?.. А когда приятный человек – разговоры только мешают наслаждаться общением духом.

Мы садились на террасе дома Томаса в кресла. Томас курил. А я смотрел на Стены Хассанс. Птицы иногда пронзительно вскрикивали, иногда красиво пели... На душу ложилось и то, и другое, потому что сидение с Томасом ласкало душу: было как-то по-особенному покойно,

счастливо... Иногда я поворачивал голову и смотрел на Томаса. Он никогда не отвечал... Зачем отвечать, когда всё и так ясно? – Это суетно.

Томас любил смотреть вдаль. У него были серые глаза, которые, казалось, ничего не выражали. Наверное, именно поэтому их хотелось бесконечно разглядывать и не отрываться. Я угадывал в этих глазах бездну... – в хорошем смысле; подходил к её краю, бросался вниз и тонул. А потом вдруг таинственным образом снова оказывался в кресле и видел Стены Хассанс. Это было захватывающе... Когда Томасу надоело сидеть и курить, он вставал и говорил одно слово:

– Поехали? —

И это всегда означало одно: мы едем в Уоллэми (Wollemi).

Уоллэми

Уоллэми – второй по размеру национальный парк Южного Уэльса. Он почти весь состоит из эвкалиптовых лесов. Никогда бы не подумал, но здешние эвкалипты имеют аж семьдесят разновидностей.

У Томаса был старенький трёхколёсный Харлей-Дэвидсон, с войны ещё. Раньше он на нём возил жену, которая на обычном мотоцикле ездить не могла... Она умерла. Теперь я...

Добраться до Уоллеми занимает где-то полчаса – и всё: лес, горы... Около одной из скал мы всегда едим. Тормозок собирала заботливая Шейла...

И вот здесь я и встретил её...

Прошу прощения, в те отдалённые времена я ещё не понимал язык пресмыкающихся, поэтому об имени не спросил. И назвал мою подругу сам для себя попросту – Ящерица...

Теперь о ней.

Итак, жила-была Ящерица. Она меня поразила прежде всего размерами – не меньше полуметра. У нас в штате таких точно нет... А считал я Ящерицу своей подругой потому, что встречал в каждый приезд и всякий раз вступал в духовное общение, если Томас по нечаянности не мешал..

Ящерица жила в трещине скалы. А днём сидела на её выступе. Он хорошо освещался и прогревался, становясь горячим, как песок на пляже. Ящерице это явно нравилось, и она то ли просто наслаждалась, то ли загорала на этом выступе. Но не так, как люди, а только на животе, чуть приподнявшись на передних лапах. Лицо её было повернуто в сторону солнца, но, по-моему, именно на него она не смотрела, а глядела куда-то ниже и в одну точку. Не знаю, то ли молилась, то ли стихи сочиняла... И в этом напоминала мне Томаса... Я смотрел на неё и улыбался...

Забудьте слова, отдайтесь Небу – и вы станете святым или духовным поэтом. И вас проклянут... Родственники – совершенно точно...

Когда я приходил, Ящерица поворачивалась и разглядывала меня с явным интересом, глядя, тоже не отрываясь. Язык ящериц человеческим ухом, как я потом узнал, не считывается. Тут особое умение нужно, какого у меня тогда не было. Поэтому не могу сказать наверное, но предполагаю, что она спрашивала меня о причине посещения. Я тоже смотрел на Ящерицу. Так что мы обменивались только долгими доброжелательными и изучающими взглядами... Можно сказать, что она не боялась меня, хотя, конечно, в руки бы не далась. А я и не пытался. *Всё, что нравится, брать в руки не нужно...*

Я старался оберегать покой Ящерицы. Поэтому приближался очень тихо и близко не подходил. Вскоре подтягивался и Томас, садился на камень, и мы молчали все трое. Полагаю, Томасу доставляло удовольствие молчаливое общение с родственной душой – с Ящерицей, в смысле.

Спустя время кое-как я научился бесслвно объясняться с ящерицами по-ящерицки. И от уже состарившейся дочери моей Ящерицы узнал вот что... А дочь длила свои дни в той же трещине и на том же выступе...

Ящерицу-маму оказывается звали Тиликва (Tiliqua). Она жила беззаботно, счастливо и радовалась солнцу, молодости, лёгкости движений и видела всё в оранжевом свете... Это примерно то же, что у людей, видящих окружающее в розовом.

В урочную пору повстречался ей привлекательный ящер. Она не стала отказываться от встреч. Потому что, увидев её, ящер приоткрыл рот и...

То, что увидела Тиликва, поразило её в самое сердце: огромный язык. Этот язык перевернул всю её жизнь. У Тиликвы закружилась голова. И она поняла: это – любовь... – Она, как и люди, любовью называла половое влечение.

Что было бы с ней, если бы она могла различать цвета и увидела, что язык возлюбленного – синий!.. Представляю, я встретил бы прекрасную женщину и она, кокетничая, показала бы мне кончик синего языка... Я бы сошёл с ума и скорее всего двинулся бы за ней на край света, хотя и едва ли дошёл бы – умер бы по дороге от страсти...

Ночи не проходило, чтобы Ящерица не видела во сне медленно моргающие глаза своего возлюбленного, глядящие на неё в упор, и округлое окончание его языка с рисккой... Как же Тиликве хотелось, чтобы этот язык, эта риска коснулись её лица и ласкали бы его! Как желалось коснуться щекой его мужественной жёсткой щеки и целовать её... Тиликва видела это наяву и тихо стонала...

А в одну из ночей, когда луна только задумывала народиться, ящер бессовестно заполз в скальную трещину, в которой жила Тиликва, и властно обнял её... Как честная девушка Тиликва встрепенулась, надавала возлюбленному пощёчин и гневно показала пальцем на выход: «Вон!»

А ящер... То ли он размяк от пощёчин, то ли у него был вообще такой характер, а только он сидел и неподвижно и, как казалось Тиликве, умильно смотрел ей прямо в глаза. В них было столько страсти, что её не могла затемнить никакая ночь...

Тиликва начала в возбуждении ползать по своей норе взад-вперёд. В конце концов успокоилась. Села подле ящера и они долго разговаривали о ничего не значащих вещах. Потому что дело было не в предметах общения, а в том, чтобы между бессмысленным содержанием разговоров, под видом речей невысказанно сообщить друг другу о своих чувствах...

Так они и объяснились. Ящер прикоснулся губами к губам Тиликвы. Она не стала отворачиваться. Их языки начали любовное общение. Затем ящер обнял и облизал Тиликву. Она легко ответила на объятие. А потом они, почувствовав тела друг друга и, возбудившись, – возлегли.

Тиликва знала, что этого делать нельзя, потому что потом она может понести, и её вольной жизни придёт конец. Но обниматься оказалось настолько сладко, что она поняла: *разумом жить глупо*. Это для учёных.

Ящер прижал её своими шпорами на лапах к каменному полу – и она отдалась... Чему? Ящеру ли, движению сердца? Подчинилась ли голосу природы, этому зову вечно продолжающейся Жизни? – она не знала, но отдалась и подчинилась.

На следующую ночь ящер пришёл снова. Он лизал Тиликву и любил... А когда они устали, Тиликва вдруг засмеялась. Ящер удивился.

– Я же не знаю даже, как тебя зовут, – сказала Тиликва.

– Синезыкий, – ответил ящер. – А какое это вообще имеет значение? —

В самом деле, какое? Не все ли души одинаковы?.. Да, привлекает как будто тело, какой-нибудь синий язык. Но это не любовь, а влечение к синему языку. Синий язык вполне может почернеть и отвалиться. А влечение может перейти в любовь, но часто ли такое случается? Не чаще ли оно переходит во влечение к кому-то другому?..

Влечение Синезыкого, как и у людей, быстро закончилось. А Тиликва поняла, что она полюбила вовсе не язык, а бессмертную душу Синезыкого. После того, как тот не пришёл на седьмую ночь, Тиликва пришла в отчаяние. Потому что было ясно: это – конец. Затем её предположение подтвердили и подруги: «Твой теперь встречается с Бородатой Агамой».

Бородатая Агама (Bearded agama)

Унижение изъяснению не поддавалось: «Она же уродина! Как меня, такую неповторимую, можно было променять на гадкую тётку?» Это было выше понимания Тиликвы. «Она же вся в колючих шипах... Как же он её целует?.. Или ласки ему не важны?.. А лапы, лапы-то какие у неё?! – Тьфу!»

Тиликва чуть было не прокляла весь род мужской. Но остановилась и поняла, что это её судьба, и *нет ничего страшнее в жизни для ящерицы, чем проклясть свою судьбу*. Потому что проклятие, оно конечно, приятно, но имеет обыкновение возвращаться.

Тиликва выходила теперь из своей трещины только для того, чтобы наловить насекомых. А загорать больше не загорала – подруг стыдилась, потому что понесла. Это было всё более заметно...

Через четыре месяца Тиликва выродила пятнадцать сыновей и дочерей. Она не смогла их полюбить, потому что дети напоминали ей коварного изменщика Синезыкого. Они тоже не любили мать. Может быть, потому что не нуждались в опеке. Будто кто во утробе научил их всему, что должна знать и уметь ящерица. Казалось, они даже не замечали мать... А впрочем, сейчас мораль так изменилась, что, кажется, состоит в отсутствии морали, особенно у молодых. Но это только кажется. Просто мораль настолько другая, что, думается, её нет вовсе.

Через восемь месяцев дети стали такого же размера, как и она сама. В расселине вдруг оказалось очень тесно. Перво-наперво мальчики вытолкали девочек. Хотели избавиться и от матери, но Тиликва показала им зубы. Тогда ей сказали:

– Да подавись ты своей трещиной, биологическая мать. Мы не предполагаем иметь такого злобного члена семьи, как ты. —

И – ушли. Тиликва осталась одна. «В чём я была неправа? – думала она. – Надо было уйти, чтобы эти здоровяки развлекались в моём жилище?.. Может, быть, может быть... Видать, время такое настало... Почему дети бывают такими жестокими и душевно тупыми?.. В кого они, в отца?..»

Тиликва часто плакала. Плач не помогал, наоборот, ещё хуже на душе становилось. А от горя как-то нужно было отделяться, иначе жить как?.. И Тиликва отдалась молитвам.

У ящериц, как и у прочих живых существ, есть свой бог. Ящеричный бог душевную боль Тиликвы то ли отказался утишать, то ли просто не мог. И по наитию Тиликва обратилась тогда к великому Непостижимому... Что такое? – Да Его все знают, кроме людей. Потому что *для познания Всевышнего люди слишком умны*. И воображение у них богатое...

Все два года между рождением детей и второй беременностью Тиликва упорно молилась. Стыд перед подругами отпустил её. И Тиликва теперь по-прежнему грелась на своём выступе. И, как и раньше, я и Томас духовно общались с ней... Чувствуя величие внутреннего молитвенного покоя Тиликвы, Томас робко и счастливо улыбался ей. Если бы ящерицы могли улыбаться, то Тиликва, конечно же, отвечала бы улыбкой Томасу...

Однако благодати продлиться долго было не суждено, как и всему на Земле. Жизнь есть жизнь. Мы не знаем, что не так, где мы оступились и оступились ли вообще. А только по воле Предвечного всё вдруг меняется до неузнаваемости, даже, может быть, разом. И никакая тут молитвенность не спасает.

...Вдруг нова объявился Синезыкий. Нутром ли чувствовал, что Тиликве пора настала беременеть, или как? – Кто знает, а только явился он в один прекрасный вечер, высунул язык свой завлекательный и стал прощения нудить.

Тиликва плакала. *Она действительно любила этого подонка, в смысле его бессмертную душу*. И молчала. Потому что объяснить мерзавцу, что он дерьмо, невозможно. *Подонки в собственных глазах всегда хороши и правильны*, бывает, даже поучатель человечества...

Да, это было любимое существо, но оно пришло из какого-то параллельного мира. И обладало неведомой ей моралью...

Пока гад пресмыкался перед ней, Тиликва не столько слушала, сколько пыталась понять его как ящера, в смысле, как мужчину. И вдруг подобно зарнице блеснула догадка: мораль Синезыкого состояла в отсутствии морали. «Он же чувственно туп. Это не ящер, это жестокий безумец, а потому и дети его – выродки».

Тиликва почувствовала, что она потеряла не только духовную опору, не только веру в жизнь, но и что само основание её трещины будто покачнулось... Она потеряла сознание...

Когда среди ночи Тиликва пришла в себя, поняла, что изнасилована. Но её это не огорчило. Потому что *хуже духовного изнасилования*, которое она пережила с Синезыким, *уже ничего быть не могло*. Её мир был разрушен, как она чувствовала, окончательно.

Тиликва вновь зачала. В молитвах она просила великое Непостижимое о благодати любви к нечистоте, которую теперь несла в себе. На это ушло всё время беременности.

Над моей ящерицей смеялись подруги... *Кто больнее друг высмеет горе, особо ежели за глаза?..* Приходила мерзкая Бородатая тётка и тоже хохотала в лицо Тиликве:

– Идиотка. Мой он. На что рассчитывала, когда задницу-то подставляла, а? Удержать думала? – Ха!.. Святая наивность... Мой, поняла? И навсегда... Утрись!..

Тиликва недоумевала: «Как же так, у меня такая чистая душа, а Синезыкий выбрал столь грязную спутницу жизни... И почему только мужиков так тянет на куски женского дерьма?..» – Тиликва не находила ответ на собственный вопрос и грустила.

Не зная всего этого, мы с Томасом, конечно, не понимали, чем был вызван скорбный вид Тиликвы. И даже радовались появлению многочисленного потомства: на этот раз она выродила девять мальчиков и девять девочек. Те явно любили мать: они льнули к ней, карабкались к маме на шею, на спину и весело на нас посматривали... «Эти в меня пошли», – думала Тиликва.

Мы с Томасом улыбались до ушей. И если не смеялись, то только потому, что боялись вспугнуть семейство, казавшееся если не святым, то счастливым – почти точно. Почти – если бы не глаза Тиликвы...

Да, радость материнства это одно. Но *бывают в жизни такие душевные раны, уврачевать которые не властно и само время. Они – наказание свыше, искупление наше. И раны эти благо переживать с благодарностью к непостижимому Небу, с любовью к Нему и великому Закону Воздаяния...* Тиликва поступала именно так. Длительные молитвы давали себя знать...

Через восемь месяцев дети выросли. От невозможной тесноты в доме пошли обиды, недовольства, распри и, наконец, драки. Драки становились кровавыми. Тиликва старалась разнимать детей. Но однажды при этом набросились и на неё самой...

Страсти не имеют границ и укорота на Земле. А отказаться от страстей ящерицы не могли. Это доступно только человеку, полностью погружённому в молитву, и то не всякому.

Тиликва была серьёзно ранена. И опомнившиеся дети тщетно пытались просить у неё прощения.

Ночью, когда все уснули, Тиликва оставила родимый дом и поползла куда глаза глядят, оставляя кровавые следы.

В очередное посещение скалы Тиликвы мы с Томасом сколь не ждали её появления, а не дождались. Одна ящерица загорала на месте Тиликвы, но это была не она. Другие бойко то вбегали, то выбегали. И их было всего три. Мы почувствовали недоброе, но не придали этому значения.

– Ладно, поехали, с досадой сказал Томас, – которому надело ждать, – волемию (Wollémia) покажу.

– Что-что?

– Увидишь, – бросил в полубороте Томас.

Я имел все основания ему доверять, и мы двинулись.

Ехали довольно долго, попали в каньон. И там нам дорогу преградило исполинское дерево, лежащее на земле.

– Смотри, вот она, волемиа, – сказал с гордостью Томас. – Это самое древнее растение на планете. Ему тысячу лет.

– Подожди-ка, – не поверил я, – но, думаю, есть и постарше, Мамврийский дуб, например...

– Ты не понял, – перебил меня Томас. – Не самое старое, а самое древнее. Оно считалось вымершим миллионы лет назад. Пока один наш парень, Дэвид Нобл (David Noble), его тут не нашёл. —

Я подошёл, прикинул. Порядком выше меня и в длину метров сорок.

– Только это полугнилое?

– Ну не-ет, – воодушевляясь, продолжал Томас. – Тут их около сотни...

Я удивлённо смотрел на него, потому что никогда таким его не видел. Даже представить не мог, что мой друг одержим страстью родинотворения. А страсть развязывает язык...

– Таких деревьев нет больше нигде в мире. И они будут жить, потому что размножаются от корневой поросли друг друга. —

И Томас так посмотрел на меня, что я несколько не сомневался в его с волегией полного превосходства надо мной.

Wollemia nobilis

Я подошёл к молоденькому деревцу и увидел, что оно взято под наблюдение заботливыми биологами, может быть, тем самым Дэвидом Ноблом. И прочёл на табличке, воткнутой в земле рядом с деревцем, что оно было хвойное и вечнозелёное... По-моему, нечто среднее между сосной и мимозой. Я повернулся к Томасу, чтобы высказать ему эти мои соображения – и замер с открытым ртом: я увидел Тиликву.

Наша подруга сидела на стволе лежащей волегии и грустно смотрела на нас. Томас тоже обернулся...

Мы всё поняли, и как могли, передали своими глазами и сердцами глубокое участие и сострадание Тиликве...

«Дети, почему вы бываете, пусть невольно, палачами родителей?» – подумал я... Впрочем, что значит, почему? Жестокий посторонний человек с презрением быстро ответит: «Какими детей воспитали, такими они и получились, сами виноваты»... Только кто же заведомо хочет дитю своему, кровиночке родной зла?.. Не-ет, не так всё просто, а Закон Воздаяния воистину непознаваем... Дети, не торопитесь расстреливать родителей. Погодите, поглядите, кого сами-то выродите, может, почище себя ещё уродов... Поймёте тогда кое-что...

Мы с Томасом стояли и молча тихо плакали. Тиликва, казалось, тоже хорошо понимала и благодарила нас.

– Всё! – сказал Томас и пошёл к мотоциклу.

Он включил двигатель. Тиликва не испугалась. Её голова была повёрнута к нам. Я сказал ей духом «прощай!», обхватил руками Томаса и зарыдал ему в спину.

– Брось, – ответил он, – судьба такая.

Потом мы ещё один раз приезжали к стволу воллемии в каньон, но Тиликвы уж не видели. А скалу её навещали часто. Из детей Тиликвы от вторых родов в трещине осталась только одна дочь её. К тому времени я уже неплохо понимал язык ящериц. Многое из того, что я вам тут понарасказывал, я узнал как раз от этой дочери. А ещё она сказала вот что:

– Тиликва повторила судьбу матери. Она с братьями и сёстрами выгнала бабушку мою на улицу... Не знаю, чем-то уж бабка им не угодила.

– А что, мать может не угодить? – не поверил я.

– Ещё как, не сомневайся, – уверила меня тиликвина дочь, – хуже врага может показаться. И думала Тиликва, что поступила с матерью по справедливости...

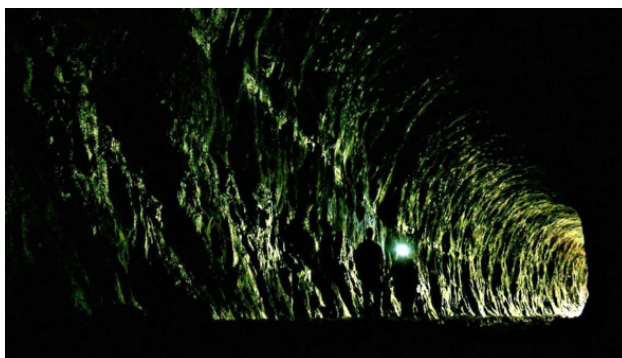
Эх, представления наши о добре и зле, о справедливости и несправедливости... Стóбите ли вы больше выеденного яйца? Есть ли они вообще, эти добро и зло? Не много ли берём мы на себя, судя ближних? Да не просто своим умом осуждая их, а подчас и боженьку в палачи привлекая, высказывания Иисусовы в сердца ближних втыкая, как шила, как жала ядовитые...

Нет, *прошло время обличающего слова, потому как теперь слово исключительно лукаво. И настало время молчаливой бесстрастной любви...* А Закон Воздаяния?.. Да не тщитесь вы его распознать, успокойтесь: пустое это. Любите только...

– А ты-то что ж? – спросил я дочь тиликвину.

– А на мне, видать, искупление исчерпалось, – сказала она. – Мои дети сами ушли, с миром. У каждого своя жизнь. Иногда приползают справиться, жива ли мамка-то, – закончила дочь тиликвина и сжала челюсти. Заплакать может боялась, не знаю...

Томас вскоре после того умер. В последние месяцы он любил ездить к заброшенной шахте (Glow Worm Tunnel). Там туннель искривлён так сильно, что не видно ни зги. И полно светящихся червей на стенах. Как светлячки, только большие, и не жучки. Я один раз поехал с Томасом. Но как увидел вход – ну прямо, как в могилу. И некоторые люди, войдя туда, огня не зажигают, чтобы на червей любоваться...

Тоннель пылающих червей

Чем это привлекало Томаса? То ли к грядущей смерти привыкал? То ли, как Орфей, жену свою незабвенную пытался обрести в том как бы загробном царстве?.. Кто знает?.. А только в последний мой духовный прилёт в Литгоу Томаса на месте уже не было, и лишь сосед могилку его показал.

В доме помимо Шейлы оказался какой-то угрюмый белый мужик.

– Кто такой?

– А это жених мой, Бобби, инженер с текстильной фабрики... Мы бы дом-то купили, – помявшись добавила Шейла.

Я подумал немного и сказал:

– Да живите, и так, гляжу, живёте. А деньги оно суета. Какая суета в мои-то годы? – Смех один. —

Те, конечно, стали меня благодарить. А я больше снов про Австралию я не видал. Тиликва умерла, Томас умер... Не хочу... Да вот и Шейла мужика нашла... Что ж, дело житейское. Но мне жалко. Такая обходительная, улыбочивая была, душевная. Милое дело поглядеть... Ладно, на латинос и негритьянок буду смотреть по месту жительства. Они мне тоже улыбаются.

Мать комариная

Есть огромная страна – Комаровия. Там живут комары. Страна заселена густо до того, что когда комары водят хороводы, они заслоняют свет, как туча. А водят хороводы комары потому, что любят и умеют радоваться. А оттого, что радуются, комары постоянно поют песни. Когда люди разучились радоваться, они и песни перестали петь. Это я в течение своей жизни наблюдал.

За руки в хороводе комары не берутся. Комары собираются в большие клубки, похожие на огромные куриные яйца. И внутри каждого яйца, веселясь, двигаются, как хотят. Правило в хороводе одно: летай, как хочешь, только не вырывайся из клубка. Кто же случайно покинул хоровод, тот сразу понимает, как грустно летать одному без товарищей, и возвращается в свой клубок. А клубок – это большая и дружная семья.

Семья самодостаточна. В ней есть, например, школы, свои мыслители, учёные, политики, военные, судьи, полицейские... Только вот все питаются врозь: летят к цветам и пьют нектар. Ну, а уж если какое животное окажется рядом с клубком... Лучше бы оно этого не делало... Впрочем, кусаются только женщины, вы понимаете. У мужчин таких острых зубов нет. Мужчины по природе спокойнее, рассудительнее и доброжелательнее относятся к миру.

Комары благочестивы. Но свои религиозные чувства выражают иначе, чем люди. Они не ходят в молельный дом и не замирают там, слушая писк священнодействующего комара и зудение певчих. *Молитва для всех естественное состояние.*

Комариный писк, вы думали, что это такое?.. Вот ноет комар у вас под ухом, что он делает?.. Конечно, он говорит: «Какой вкусный человек попался! Какая у него розовая и тонкая кожа! Какие удобные поры!»... Но это только малая часть его разговора... Да, пища и зудя, комары обмениваются между собой сведениями, выясняют отношения. Но, поверьте мне, уж я-то познал комаров, они не делают этого непрерывно, как мы с вами. А в основном общаются со Всевышним...

Мы, если и помолимся, то где-то с полчаса в день в лучшем случае. А в остальное время говорим и слушаем непотребное. Комары же поют не абы что: прославляют своего бога Йуууя и чтут прародителей Ммммл и Ииии...

Вам, конечно, комариные имена кажутся странными. Но, поверьте, людские имена комарам представляются столь же нелепыми.

Пожив с комарами в комарином облики я во многом усвоил их язык. Но вот передать людям мои знания оказалось совершенно невозможным. Хотя я, конечно, мечтал поначалу составить, к примеру, комаро-английский или русско-комариный словарь... Да его б расхватавали, как горячие пирожки у метро. Ибо кому комары-то не досаждают? А тут появилась бы возможность и выяснить их намерения, а женщинам комариным предложить какой-то заменитель вашей крови... Такой словарь можно было бы выпустить тиражом, эдак в миллиард... Недорого, долларов по пять за книжку... Это что ж получается-то, а?.. Уййй!..

Однако моим мечтам осуществиться было не суждено. Потому что комариные «слова» не поддаются выражению с помощью букв, разве что иероглифами можно было бы попробовать их изложить. Только я в них не силен... У комаров, к примеру, нет глухих согласных. А и гласные, и звонкие согласные незаметно переливаются друг в друга. Интонации же то под-

нимаются, то опускаются. Это несколько напоминает работу звуковой сирены... И от всех этих тонкостей зависит смысл речи, в смысле писка, нытья или зудения...

Очень-очень жаль, что я не могу донести до вас всю прелесть комариной речи. Но поверьте мне, она весьма разнообразна, в ней есть и проза, и стихи, и, конечно же, свои шекспиры и байроны...

Комаровия отличается от других стран тем, что комары там любят жить большими семьями, только что спят по отдельности или, конечно, парами... Люди же жить большими семьями уже не хотят давно. А всё почему? Потому что в страстях пребывают, да старших не слушают. Думают, старшие дураки или самодуры... Ан нет, старики о семье думают, в корень смотрят. А молодым что корень? Им лишь бы ягодку надкусить, выплюнуть да на новую нацелиться... Какая уж тут большая, дружная да любящая семья? Какое может быть счастье?!..

Знал я одного руководителя большой страны, который обещал каждому жителю по отдельной квартире, да ещё бесплатно. Народ возмутился и сверг супостата. Но сверг не оттого, что хотели жить большими семьями, а потому что бесплатно. Бесплатно – оно не интересно... Давайте, я предложу вам мою книжку бесплатно – вы и глядеть на неё не станете... Не-ет, я не жадный. Мне вообще ничего не нужно. Просто это *вы* так устроены. А народ надо, если уж не любить, то уважа-ать как следует, вас, например, дорогой читатель... Приятно, да?.. Правильно. Счита-аться с ним, с народом-то. Ведь что мы есть по отдельности, без народа-то? – Дерьмо собачье, вот что...

Ну так вот, в большой комариной семье много маленьких семей. И в каждой семье много ребятшек: комариных мальчиков и девочек. Они никогда не ссорятся и не возражают родителям. А родители не ссорятся с бабушками и дедушками... Мне это очень нравится. И если непостижимое Небо ещё раз пошлёт меня на Землю, мне хотелось бы воплотиться комаром в Комаровии, а не каким-нибудь принцем или наследником многомиллиардного состояния, курам на смех, на что оно... *Семья, любящая семья, вот наиважнейшее, что в жизни есть*, кто бы это ещё понимал, да претворял в жизнь... Болтать-то все горазды.

А самые главные в большой и дружной комариной семье – прадедушка и прабабушка. Они очень старые, поэтому медленно летают в самом низу клубка и тихо радуются весёлой жизни и счастьем тех, что сверху. Правда, прадедушка и прабабушка от старости часто смотрят вниз. Потому что, чувствуют, их пора летать и радоваться подходит к концу. Так уж им заповедал комариный бог Йуууй. А когда прадедушка и прабабушка однажды уже не могут взлететь, они сидят на земле и только слабо шевелят крылышками, а вокруг них собираются дедушки и бабушки. Прабабушка и прадедушка выбирают из них других старых и мудрых комаров на своё место. А сами находят в земле щель и уходят в подземную страну. Там живут прадедушки и прабабушки всей Комаровии. Щели эти заветные.

Однажды во сне я полетел в Комаровию, там уменьшился до размера комара и отыскал заветную щель. Я согнул лапки и заглянул туда. В щели было темно. Я просунул вовнутрь головку с усиками. И тут мне кто-то больно ударил по усикам и строго пропищал:

– Стой, куда идёшь?

Мои глаза начали привыкать к полумраку. И тогда я увидел очертания комара. Так ли это было на самом деле или нет, но он показался мне чёрным, а в руках держал палочку.

Я был очень вежливым комаром. Так меня научила жизнь в образе человека. Люди меня били недуховными и духовными палочками весьма болезненно. Мне было неприятно и обидно. Не желая повторения того же в Комаровии, я покачал головкой, пошевелил усиками в знак почтения и ответил:

– Прошу прощения, но мне очень хотелось бы узнать, куда уходят прадедушки и прабабушки и посмотреть, как они живут.

Чёрный комар засмеялся и от этого подобрел.

– Кого ты хочешь провести, – пропищал он через смех. – Я караулю здесь уже второй год, проверяю удостоверения личности прабабушек и прадедушек. Но никогда ещё никто ко мне не обращался с такими просьбами... Ты – не настоящий комар! – вдруг сделал Чёрный комар неожиданный для меня вывод.

...Вы знаете, жизнь в облики человека привела меня к потребности сердечно любить непостижимое Небо и трепетно благоговеть перед Ним. Преображение в комара не вывело меня из сего благодатного состояния. А нахождение в нём связано с совершенной правдивостью, потому что это способствует чистой совести. А чистая совесть так приятна... Ну, это вы и сами без меня знаете. Поэтому я виновато склонил головку долу, так, что усики коснулись земли, и сознался:

– Да, я преображённый человек.

– Так ты – челове-ек! – обрадовался Чёрный комар, набросился на меня и вонзил жало в мой животик.

Я потерял сознание.

...Когда очнулся, я обнаружил себя в полумраке на земле. Рядом сидел Чёрный комар и участливо смотрел на меня. Увидев, что я очнулся, он замахал крыльями и возгласил:

– Маленький человек очухался!

Я приподнялся на одной лапке.

Комары хорошо видят в темноте. И вот, что увидел я.

Я находился в просторной пещере. Вокруг меня на некотором расстоянии плотным кругом стояли красивые комары с чёрными брюшками и недобро щурились. Их тело было, в отличие от моего, покрыто красивыми белыми пятнышками, передние ноги казались длиннее моих, а задние и вовсе превосходили в пару раз... Сравнив этих комаров с собой, я понял, что проиграю схватку даже с одним из них. А потому счёл за благо покориться судьбе.

– Так чего же тебе надобно-то здесь? – спросил из глубины пещеры неприятный гнусавый и скрипучий голос.

Тут чёрные стражники разомкнули свой ряд, выстроились двумя шеренгами и подняли задки кверху, а я встал на ножки.

– Задницу, задницу кверху задери, невежа! – запищал Чёрный комар.

Я на всякий случай выполнил его указание.

– Та-ак, – сказал тот же неприятный голос, – гордыни в тебе меньше, чем у других представителей твоего *племени вырожденцев*. Значит, общение возможно.

– Кто ты, – стараясь быть предельно уважительным, спросил я.

– Мать твоя комариная, вот кто я.

Приподняв головку, я увидел очень большую комариху, раза в четыре больше меня. Она лежала на незамысловатой большой кровати на боку, подперев голову лапкой и с большим сожалением меня рассматривала.

– Прошу прощения, – озадачился я, – как же Вы, многоуважаемая, можете быть моей матерью, если меня родила мать человеческая?

– Хе-хе-хе-хе, – надсадно, хрипло засмеялась Мать комариная. – Ты, как и твои соплеменники, глуп, я погляжу. – В молодые времена свои я б такого, как ты, до смерти закусала и не пожалела бы... Да-а, много кровушки человеческой я попила за жизнь свою, мно-ого, хе-хе-хе-е-е... —

Мать комариная задумалась, вспоминая своё кусачее прошлое. —

А нынче, чую, смерть приближается, – продолжила она. – И потому охота мне с человеком побеседовать.

– Говори, матушка, – тихо молвил я, – коль смогу – утешу.

– Задницу-то можешь опустить, – подобрев, сказала комариха. – Садись и слушай. —

Я сел, охрана пала на колени, и Мать комариная наша начала свой рассказ о бытии.

– На второй день после того, как господь бог наш Йуууй сотворил Землю... —
Я решил не перебивать Мать комариную, чтоб чего не вышло. —

А Земля же в те времена была невидима, неустроена и тьма наверху бездны. И носился над Землёю великий дух комариный как предтеча всего грядущего. И пропищал тогда Йуууй:

– Да будет твердь посреди воды. И было так. И собралась вода в собрание едино, и явилась суша... Вот тут-то Йуууй и создал первого комара по образу своему и подобию, и нарёк его Ммммллл. И вошёл в Ммммллла великий дух комариный, и ожил Ммммллл. Ожил, расправил крылышки и, радуясь, закружился над твердью и водами, славя Йуууя.

И увидел Йуууй, что это хорошо. Но захотелось ему отдохнуть от трудов праведных, потому как утомился он от творения. И создал Йуууй перед сном подругу Ммммлллу, назвал её Иииии и прозудел так:

– Раститесь и множитесь, полните Землю, и господствуйте ею. —

На этом замолк и опочил.

Ммммллл и Иииии обрадовались друг другу. Писка Йуууя не поняли. Но весело летали, резвились и пили нектар цветов, которые любящий отец Йуууй предусмотрительно для них насадил.

Как оно получилось – ни тот, ни другая не знали. А только Иииии понесла. Погоды стояли тёплые. И вскоре отложила она яйца у воды... Дети пошли, внуки... И, наконец, заполнили комары всю Землю, оттого и назвали её Комаровией. Некоторых из комаров господь Йуууй благословил сосать кровь животных. А потому не было в Комаровии живой твари, которая не боялась бы комаров и не признавала бы их господства.

Сколь же счастливо было это время – и рассказать невозможно. Да только счастья вечного не бывает.

И вот, однажды родился комар Зззиии. У него оказались искажённые половые наклонности, как он сам о себе зудел – природные, так сказать... Правда, нет ли – не знаю. Если наклонности оказались – значит, так было угодно господу нашему Йууую. И вот Зззиии влюбился не в комаровочку – можешь ли себе представить? – а в цветочную мушку!.. Ну на что ж это похоже... – Мать комариная цокнула, сплюнула и глубоко вздохнула. – Комар и мушка?!..

Цветочная мушка

Ну да, прежняя Мать комариная сказывала, что мушка та была не в пример комаровочкам любвеобильная и красивая. Трудно было устоять перед её чарами. Передние лапки, говорит, у неё были особенные, как пёрышки. Обнимала она ими Зззиии, щекотала. А уж что хоботком вытворяла – об этом просто неприлично рассказывать... Ну кто ж такому удовольствию не поддастся?.. Иная ж комаровочка и такая расхорошая, и сякая, а вот не может доставить комару желаемого удовольствия... Не может – и всё, какой с неё спрос?.. Всякая комаровочка может дать комару только то, что имеет. Да...

И вот, занялись они, эти двое, половыми отношениями... Дети пошли... И тоже с неблагоприятной наследственностью, понятно: и не комары, и не мушки... Дошло до того, что выродили потомки Зззии комароядное насекомое, вот что. Доигрались со свободой своей, мол, с кем хочу, от того и ребёнка завожу... Завели, язви их...

Половые вольности нарастали, как снежный ком. Живые существа рождались всё больших и больших размеров. Комариные личинки стали в рыб преобразаться, те выпрыгивали из воды и комаров ели. Птицы залетали по небу да тоже норовили предков своих, комаров есть. Глядишь, по земле и орангутанги заковыляли. Потом появились гоминиды, питекантропы, неандертальцы... И вот ты, наконец, приполз сюда, кроманьонец ты наш, так-то и так тебя... —

Мать комариная снова вздохнула. —

А ведь не совокупись в древности тот комар с мушкой цветочною... Жизнь-то была какая нынче распрекрасная, а? — Одни комары на Земле да мушки. Вас бы, людей и на дух не было б, планету вы бы не уничтожали... Был бы Рай, который и заповедовал господь наш Йуууй...

Но ничего, и на вас развитие жизни не остановится, будь уверен, уж я-то знаю, Мать комариная ваша. Неизвестно, во что ещё вы, люди, выродитесь. Мне рассказывают про ваши совокупления. Тут добра не жди. И я всю жизнь, познавши ужас неправильной половой жизни, внушаю молодёжи: «Живите и любите друг друга по завету предков, чистоту рода соблюдайте комариного».

Только кто ж нынче стариков-то слушает? До чего вы все досовокупляетесь? — Представить страшно... А потому не жалко мне Комаровию покидать да в райские пажити господя нашего Йуууя переселяться... —

Тут стал я Мать комариную утешать тем, что ни одна чешуйка с тела комариного не падает без святой воли на то... Ну, про непостижимое Небо я, понятно, не стал ныть... «Без святой воли на то самого Йуууя», — прозудел я. А ещё пропищал, что вне зависимости от происходящего нам благо полниться любовными излияниями, объяснениями в любви ко господу. Тогда житейские невзгоды неизменно станут отступать, а на бытийствующих таким образом низойдёт божественная благодать...

Слушала меня комариная Мать, слушала — и из подслеповатых глаз её закапали слёзы.

— Хотела я перед смертью вкус крови человеческой вспомнить. Да только так ты зудишь сладко, такое утешение дал моей исстрадавшейся по комариному роду душе, что отпускаю тебя с миром. Лети и расскажи людям о том, что может случиться при совокуплениях не по заветам предков... Может и остерегутся и не выродят чудовищ, которые вот-вот придут на смену вам и начнут гоняться за вами и поедать вас, как прежде нас начали птицы клевать... А то ведь придут чудовища-то, а? Приду-у-т, ха-ха-ха-ха-ха... Иди, жирок наращивай, фаст-фуд ешь, хе-хе-хе-хе...

Отпустите его, — сказала Мать комариная страже, отсмеявшись. Голова её упала. И заснула она... Временно или навсегда — того я уже не знаю.

Стража довольно грубо вытолкнула меня из подземной страны. Я прилетел домой, проснулся и принял человеческий облик. Включил компьютер и сразу же записал сию поучительную историю. Иначе люди не узнают о трагедии комариной цивилизации и о надвигающейся катастрофе нашей. Ведь кто язык-то комаров знает кроме меня?

От мрака к свету

В городской канализации жило большое сообщество червячков. Червячковое божество сотворило их вскоре после устройства канализации и заповедало жить в дерьме. Я не могу сказать, почему оно так поступило. Возможно, для выполнения какой-то необходимой работы в невероятно сложно устроенном бытии. А может быть, воплощение червячками в канализа-

ции было наказанием во исполнение великого Закона Воздаяния... Многие так называемые разумные двуногие существа думают, что ад это нечто огненное... Как знать, как знать...

У червячков другое представление о времени, чем у нас с вами. Город, в недрах которого они жили, был построен всего сто с небольшим лет назад. Но им казалось, что они бытуют с незапамятных времён. В сообществе червячков были свои мыслелуждатели, которым не жилось естественно, то есть просто так, как заповедано свыше. И они придумывали разные легенды, идеи и теории. Так, они придумали сказку о первом червячке, родоначальнике всего их сообщества, и жене его. Также они постоянно переосмысливали историю своего бытия в угоду меняющемуся начальству...

О, это была долгая, насыщенная великими событиями история с общественными преобразованиями, борьбой за лучшие места в канализационных трубах и справедливость в пользовании ими. Были свои червячки герои и злодеи. И даже правительство, состоящее из самых лукавых червячков. Оно было тайным. Поэтому обычные червячки, жившие естественно, так те о его существовании и не догадывались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.